

DOI 10.35775/PSI.2026.133.4.026

УДК 32.327

О.В. БОДРОВ

кандидат исторических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, г. Казань

Д.Р. ОРИНИН

магистрант, Казанский (Приволжский)
Федеральный Университет,
Россия, г. Казань

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ КУБИНСКИХ МИГРАНТОВ В США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Статья посвящена феномену культурной интеграции кубинских мигрантов в США. Этот процесс, разворачивается на протяжении более чем шести десятилетий и привел к трансформации Южной Флориды в регион с устойчивым кубино-американским присутствием. В статье рассматривается эволюция этого процесса – от первой волны мигрантов конца 1950-х – начала 1960-х годов до современных поколений, сохраняющих транснациональные связи. Анализируется вклад кубинских мигрантов в культурный ландшафт США с акцентом на штат Флорида, где сложились устойчивые этнические анклавы. Интеграционная модель кубино-американцев характеризуется сочетанием сохранения культурных традиций и включенностью в экономические и политические институты принимающего общества, что способствовало превращению Майами в один из центров латиноамериканской культуры в США.

Ключевые слова: Куба, иммиграция, эмиграция, волны миграции, США, политика, Латинская Америка, культура, литература, кинематограф, музыка, живопись.

Культурная интеграция кубинских мигрантов в США: от «золотого изгнания» к «американской мечте». Немаловажную роль в формировании текущей политики США в отношении Кубы играют американские политики кубинского происхождения, занимающие ключевые посты в администрации Дональда Трампа. Среди них выделяются две крупные фигуры. Марко Рубио (Marco Rubio) – занимает пост Государственного секретаря США. Являясь одним из самых влиятельных политиков кубинского происхождения в стране, он выступает главным архитектором жесткой линии Вашингтона в отношении Гаваны. Именно его команда ведет переговоры с Кубой, добиваясь смены руководства острова. Марио Диас-Баларт (Mario Díaz-Balart) – влиятельный конгрессмен, давний союзник Марко Рубио. Он непосредственно участвует в переговорах с окружением кубинского руководства и публично заявляет о намерении добиться смены режима на Кубе в ближайшее время. Вклад кубинцев в политику не подвергается сомнению, однако представляется интересным проанализировать их воздействие на сферу культуры.

История кубинской иммиграции в США – это не просто хроника перемещения людей через Флоридский пролив. Это многослойный процесс взаимного влияния культур, в результате которого сформировался уникальный феномен кубино-американской идентичности. В отличие от многих других диаспор, кубинцам удалось не только встроиться в американское общество, но и кардинально изменить культурный и экономический ландшафт своего нового дома, в особенности Южной Флориды.

Младшие поколения балансируют между ассимиляцией и «кубинскостью», продвигая гибридную культуру через соцсети и кино. Майами остается символом успешной интеграции, где кубинцы – ключевой фактор культурного разнообразия США.

Понимание культурной интеграции кубинцев невозможно без взгляда на историю их исхода. Социологи сравнивают диаспору с «геологическим разрезом», где каждая из пяти крупных волн иммиграции оставила свой особый отпечаток.

Первая волна (1960-е гг.) – «золотые изгнанники» (Golden Exiles). Это была преимущественно элита дореволюционной Кубы: крупные землевладельцы, промышленники и профессионалы. Они рассматривали свое пребывание в США как временное, ожидая скорого падения нового режима. Эта «временность» парадоксальным образом привела к созданию мощных анклавных институтов (школ, СМИ), призванных сохранить кубинскую культуру в ожидании возвращения.

Вторая волна (конец 1960-х – начало 1970-х) – «свободные рейсы» (Freedom Flights). В этот период прибыло около 300 тысяч человек, представлявших уже средний класс. Они стали фундаментом «малого предпринимательства», превратив Майами в оживленный центр торговли и производства [9. С. 213-229].

Третья волна (1980 г.) – «мариэльцы» (Marielitos). Массовый исход из порта Мариэль принес не только тех, кто искал свободы, но и маргиналов, выпущенных властями из тюрем и психбольниц [4. С. 232]. Это вызвало напряжение внутри самой диаспоры, где зазвучали слова: «Я кубинец, но я не мариэлец».

Четвертая волна (1990-е гг.) – «эмигранты на плотках» (Balseros). В период «особого периода» в условиях жесточайшего экономического кризиса люди бежали на самодельных плотках, рискуя жизнью. Эта волна характеризовалась более прагматичным и менее политизированным подходом к выживанию в новой стране [8. С. 309-316].

Пятая волна (с 2021 г. по н.в.). Самая массовая и загадочная. Вызванная кризисом после COVID-19, она насчитывает сотни тысяч человек, которые, пройдя через «никурагуанский маршрут», пополнили ряды диаспоры и, как ни странно, заняли наиболее жесткие антикоммунистические позиции.

Майами: «Зеркало Гаваны». Ключевым центром интеграции стал Майами, который писатели и исследователи называют «зеркалом Гаваны». Здесь процесс адаптации пошел по пути не растворения в «плавленном котле», а создания «перекрестного урбанизма». Кубинцы не просто заселили пустующие кварталы – они переосмыслили городское пространство. Согласно исследованиям,

они наложили свои социальные обычаи и ритуалы поверх существующей американской среды, создав новые пространства для памяти и общины.

Это проявляется в мелочах: от превращения обычных заправок в места, где подают крепкий эспрессо (*cortadito*), до формирования целых районов, таких как Маленькая Гавана (*Little Havana*), где парки стали местами игры в домино для пожилых кубинцев. Архиепископ Майами Томас Венски отмечает, что этот регион исторически принимал больше новичков на душу населения, чем любое другое место в США, и делал это с состраданием.

Искусство и литература: Голоса поколений между островом и материком

Литература: Четыре поколения в поисках идентичности. Кубино-американская литература – это не монолит, а скорее «геологический срез» самой диаспоры. Как отмечается в академических исследованиях, писателей, чье творчество связано с этим феноменом, можно условно разделить на четыре группы, каждая из которых говорит на своем языке – иногда в прямом смысле.

Культурная интеграция кубинцев в США нашла свое наиболее яркое и многогранное выражение в искусстве и литературе. Творчество становится для диаспоры не просто способом самовыражения, но и важнейшим инструментом осмысления своего положения – между памятью об утраченном острове и реальностью новой родины. Этот диалог культур породил уникальные явления, отмеченные как болью изгнания, так и радостью обретения нового голоса.

Первое поколение писателей: Писатели, покинувшие Кубу вскоре после революции, долгое время держали «аккультурацию на расстоянии вытянутой руки». Их проза, часто ностальгическая, была обращена к потерянному раю и написана преимущественно на испанском. Они создавали литературу «об ожидании» и скором возвращении, которое так и не состоялось.

Писатели «Мариэля»: Те, кто прибыл с печально известной волной 1980 года, привнесли в литературу совершенно иной тон – более жесткий, маргинальный, полный гнева и разочарования не только в режиме на острове, но и в иллюзиях «американской мечты». Творчество Гильермо Росалеса с его мрачными автобиографическими романами – ярчайший пример этого направления [8. С. 309-316].

Третье поколение («поколение 1.5» и родившиеся в США): Эти авторы, пишущие уже преимущественно на английском, стали мостом между двумя мирами. Именно здесь расцвела тема «гибридной» идентичности, популяризированная еще в 1990-х годах Густаво Пересом Фирматом («В следующем году на Кубе», «Жизнь на дефисе»). Они задаются вопросами: кто я – кубинец, американец или нечто третье?

Писатели постсоветской эпохи: Новейшая волна мигрантов, столкнувшаяся с экономическим коллапсом 1990-х связанных с распадом СССР и прерыванием экономической помощи, говорит о более прагматичных вещах – выживании, адаптации и часто более тесной связи с современной поп-культурой.

Общей чертой для многих, независимо от волны, является автобиографизм [3. С. 137]. Как показывают исследования, для кубино-американских писателей, таких как Пабло Медина, Омар Торрес или Кристина Гарсиа, личный опыт становится той призмой, через которую преломляются коллективные травмы

диаспоры. Их «я» часто носит коллективный характер, рассказывая историю всей семьи, всего народа, потерявшего дом. Роман Гарсиа «Dreaming in Cuban» («Сны по-кубински») стал классическим примером такого многослойного повествования, где переплетаются судьбы женщин одной семьи, разделенных проливом и идеологиями. Вопрос самоидентичности, разделенной между кубинской и американской культурами, поднимается в мемуарах Пабло Медины «Exiled Memories» («Воспоминания изгнанника»).

Изобразительное искусство: от сюрреализма до уличных муралов. Изобразительное искусство кубинской диаспоры развивалось в не менее драматичном ключе. Долгое время оно было зажато между молотом торгового эмбарго и наковальней политических страстей. В 1980-х годах галерист Рамон Сернуда в Майами подвергался угрозам и даже судебному преследованию за попытку выставлять работы художников с острова. Лишь решение суда, признавшего произведения искусства «информационным материалом», открыло шлюзы для культурного обмена.

Сегодня художники диаспоры свободно говорят на языке мировой современности, но их ДНК по-прежнему закодирована кубинскими мотивами. Яркий пример – Карлос Луна, живущий и работающий в Майами. Его монументальные полотна, полные цвета и энергии, впитали в себя три главных истока кубинской культуры: испанский католицизм, африканскую сантерию и образ простого человека («гуахиро»). Как говорит сам Луна, его миссия – рассказать детям о предках, чтобы у них было будущее [9. С. 213-229].

Первая волна после революции 1959 года принесла образованную элиту, сохранившую кубинскую идентичность в «Маленькой Гаване» Майами. Позже «кризис Мариэль» 1980-х добавил разнообразия, несмотря на вызовы адаптации.

Проблемы идентичности и внутренние противоречия. Несмотря на кажущуюся монолитность, кубинская община переживает внутренние разломы. Молодое поколение, родившееся в США (так называемое «поколение 1.5»), часто испытывает разрыв между семейными нарративами о потерянном рае и реальностью американской жизни. Студентка UNC Ана отмечает, что в университете ей трудно интегрироваться в латиноамериканское сообщество, состоящее в основном из детей мексиканских или пуэрториканских иммигрантов, чей опыт отличается от кубинского [1. С. 46].

Телевидение, кино и актеры. Самое фундаментальное влияние кубинской культуры на американские медиа произошло на заре телевидения. Связано оно с именем Деси Арнаса и сериала «Я люблю Люси» (1951-1957). Арнас сыграл Рики Рикардо – успешного музыканта, любящего мужа и отца, который является полноправным центром своей семьи. Это был первый случай, когда кубино-американец (и латиноамериканец в целом) был показан счастливо женатым на белой американке, что в корне ломало существовавшие в кино табу.

Одной из значимых вех в формировании образа Кубы в сознании американцев можно назвать картину «Крестный отец 2» Френсиса Форда Coppola. Сцены в Гаване показывают, как американские мафиози пытаются вести бизнес при режиме Батисты. Бурные новогодние гуляния 1958 года, на фоне которых

разворачивается драма, символизируют не только личную трагедию героев, но и конец целой эпохи американского влияния на острове. Фильм запечатлел образ дореволюционной Кубы как места беззакония, коррупции и яркой, но обреченной на исчезновение гламурной жизни, что позже станет повторяющимся мотивом в кинематографе.

Самым значительным и спорным примером влияния кубинской иммиграции на американскую культуру стал фильм Брайана Де Пальмы «Лицо со шрамом». Главный герой Тони Монтана (Аль Пачино) стал архетипичным образом «мариелито» – жестокого, амбициозного беженца, который достигает вершин преступного мира Майами. Этот образ закрепил в массовом сознании негативную ассоциацию между кубинскими иммигрантами (особенно второй волны) и наркоторговлей. Однако сам фильм также стал важной частью кубино-американской идентичности, символизируя идею «Американской мечты», достигнутой любой ценой.

Путь актеров кубинского происхождения в Голливуде – это история преодоления амплуа «латинского любовника» или «гангстера», движение к сложным, многомерным ролям и, наконец, к статусу настоящих икон поп-культуры. Их биографии, словно зеркало, отражают те же волны иммиграции и тот же культурный диалог между памятью об острове и реальностью материка, который формирует всю кубино-американскую идентичность.

Символом успеха и достоинства для кубинской диаспоры стал Энди Гарсиа (Andy Garcia). Родившийся в Гаване в 1956 году в состоятельной семье адвоката и учительницы английского, он в пятилетнем возрасте оказался в Майами, спасаясь от революции. Его семья, как и многие представители первой волны («золотые изгнанники»), прошла через унижительную необходимость начинать с низкооплачиваемой работы, но в итоге построила успешный бизнес. Переехав в Голливуд, он долгое время боролся со стереотипами, отказываясь от ролей второго плана, которые предлагали латиноамериканцам. Свою первую заметную роль он сыграл в фильме «Восемь миллионов способов умереть» (1986), но настоящий прорыв случился, когда он настоял на роли итальянского полицейского в классическом гангстерском фильме «Неприкасаемые» (1987), отказавшись от предложенного ему амплуа жестокого головореза, чтобы избежать тиражирования негативного образа. Вершиной его карьеры стала роль Винсента Манчини в «Крестном отце 3» (1990), за которую он получил номинацию на «Оскар» [5].

Ана де Армас (Ana de Armas) стала, пожалуй, самым ярким символом «американской мечты» нового века. Родившаяся в Кубе в 1988 году, она начала свой путь в Национальной театральной школе Гаваны, затем переехала в Испанию, где стала звездой телевидения, и только в 2014 году, в возрасте 26 лет, отправилась покорять Голливуд, практически не зная английского. Всего несколько лет спустя она стала одной из самых востребованных актрис мира. Ее путь был стремительным: роль в научно-фантастическом шедевре «Бегущий по лезвию 2049» (2017), номинация на «Золотой глобус» за детектив «Достать ножи» (2019), а затем – воплощение Мерилин Монро в фильме «Блондинка» (2022) [7].

Музыкальная жизнь кубинцев в США. Не менее значим след кубинского влияния и в музыкальной сфере. В середине XX века произошел взрывной синтез

кубинских ритмов и американского бибоба, который получил название Cubop (Afro-Cuban jazz). Основатель оркестра Machito and the Afro-Cubans, трубач Марио Бауса (кубинец) стал архитектором этого синтеза. Американский трубач Диззи Гиллеспи и кубинский конгаперо Чано Посо создали хиты «Manteca» и «Cubana Be, Cubana Bo».

В 1960-х годах в Нью-Йорке возник жанр **бугалу** (boogaloo), который стал прямым предшественником сальсы. Он сочетал кубинские ритмы с R&B и соулом. Секстет Джо Кубы стал пионером этого жанра. Их хит «Bang Bang» 1966 года стал феноменом: он вошел в топ-100 поп-чартов и топ-30 R&B, что было редкостью для латиноамериканской группы.

Кубинцы создали фестивали, такие как Calle Ocho в Майами, где звучит живая музыка и демонстрируется национальное искусство, усиливая культурный обмен.

Политические предпочтения кубинцев также эволюционируют. Опросы показывают, что даже новоприбывшие из пятой волны, несмотря на желание сохранить связи с островом (например, через полеты к родственникам), быстро вливаются в жестко оппозиционную политическую среду Майами, поддерживая наиболее консервативных кандидатов. Это результат мощного давления анклава, где принятие определенной политической идентичности становится «социальной инвестицией».

Общим для всех кубинских мигрантов и их потомков стало существование в пространстве ностальгии и культурного консерватизма, сформированных разрывом с родиной: консервация дореволюционных форм при одновременной адаптации к американской жизни. Культурная интеграция кубинцев в США – это не прямая линия от «чужака» к «американцу». Это сложный, диалектический процесс, в котором память об острове и реальность материка создали новое качество. Кубинцы не просто обогатили американскую культуру сигарами, ромом и музыкой – они создали устойчивую модель бикультурного существования. Здесь, от Майами до Нью-Джерси, американская мечта обретает вкус крепкого кофе (Cortadito) и звучит на испанском с неповторимым акцентом тех, кто однажды покинул свой дом, но навсегда унес его в своем сердце. Будущее этой интеграции будет определяться тем, как новые поколения сумеют примирить наследие «золотого изгнания» с вызовами современного мультикультурного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И.** Вашингтон против Гаваны: кубинская революция и империализм США. М.: «Международные отношения», 1982. 211 с.
2. **Елбаева М.В.** Кубино-американский национальный фонд и его деятельность в отношении Кубы (1981-2009) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 5. С. 72-88.
3. **Лазарев В.В.** Влияние политики реформ Рауля Кастро на американо-кубинские отношения // Наука, техника и образование. 2014. № 2. С. 135-140.

4. **Скляренко О.А.** Американо-кубинские отношения в период администрации Б. Клинтона (1993-2001 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 231-233.
5. «Andy Garcia Biography». Biography.com (FYI/A&E Networks). Retrieved March 17, 2026.
6. **Castro Max J.** (1992). «The Politics of Language in Miami», Miami Now: Immigration, Ethnicity, and Social Change (University Press of Florida): 109-133.
7. **Cho Diane J., Mercadante James.** (17 May 2025). «32 Celebrities Who Became U.S. Citizens». People. Dotdash Meredith. Retrieved 22 May 2025. «I am proud to become an American citizen because when I moved here, everyone was so welcoming,» she said.
8. **John F.Jr. Stack.** The Ethnic Citizen Confronts the Future: Los Angeles and Miami at Century's Turn. The Pacific Historical Review, 1999. 68 (2). P. 309-316.
9. **Salim Lamrani.** Cuban emigration to the United States, part 1, from 1860 to 1989: a statistical and comparative analysis // Academic article. 2021. P. 213-229.
10. **San Martín Nancy.** (January 12, 2021). «Miami's Spanish-Language Media Is Overrun with Trumpist Conspiracies». Foreign Policy. Retrieved March 17, 2026.

O.V. BODROV

Candidate of Historical Sciences,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

D.R. ORININ

Master's student, Kazan Federal University,
Kazan, Russia

CULTURAL INFLUENCE OF CUBAN MIGRANTS IN THE UNITED STATES IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the phenomenon of cultural integration of Cuban migrants in the United States. This process has been unfolding for more than six decades and has led to the transformation of South Florida into a region with a stable Cuban-American presence. The article examines the evolution of this process, from the first wave of migrants in the late 1950s and early 1960s to modern generations with transnational ties. The contribution of Cuban migrants to the cultural landscape of the United States is analyzed, with an emphasis on the state of Florida, where stable ethnic enclaves have developed. The integration model of Cuban-Americans is characterized by a combination of preservation of cultural traditions and inclusion in the economic and political institutions of the host society, which contributed to the transformation of Miami into one of the centers of Latin American culture in the United States.

Key words: Cuba, immigration, emigration, waves of migration, USA, politics, Latin America, culture, literature, cinema, music, art.